

Вопросъ о реформѣ духовныхъ семинарій въ Италіи.

Пій Х, рѣшившій всё возстановить въ Иисусѣ Христѣ, обратилъ между прочимъ особенное вниманіе на семинаріи, требующія реформы вслѣдствіе того жалкаго состоянія и упадка, къ которому ихъ привели по крайней мѣрѣ въ Италіи—измѣнившіяся съ теченіемъ времени обстоятельства, трудности, представляющіяся при пополненіи рядовъ духовнаго сословія и жалкія матеріальныя средства, на которыя онѣ должны содержаться. Реформа семинарій обнимаетъ три стороны: 1) воспитательную часть 2) административное устройство и экономическое положеніе 3) учебную часть.

Католическія семинаріи въ ихъ настоящемъ видѣ устроены согласно постановленіямъ Тридентскаго собора. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что малолѣтній возрастъ легко поддается обольщеніямъ страстей, и что пороки, приобрѣтенныя въ юности, обыкновенно сохраняются и крѣпнута въ зрѣломъ возрастѣ, Тридентскій соборъ выразилъ желаніе, чтобы дѣти, предназначенныя къ священству, съ малыхъ лѣтъ воспитывались въ благочестіи и добродѣтели, и въ силу этого предписывалъ, чтобы соборы и епархіальныя церкви, сообразуясь съ величиной епархій, устраивали спеціальныя школы, въ которыя собирали бы благонравныхъ дѣтей и воспитывали ихъ въ строго церковномъ духѣ. Эти дѣти, надежда церкви, должны быть законорожденными, не моложе двѣнадцати лѣтъ, и въ нихъ должно быть замѣтно явное желаніе посвятить себя навсегда служенію церкви. Соборъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы семинаріи были открыты для бѣдныхъ дѣтей, не исключая впрочемъ и бо-

гатыхъ, но съ условіемъ, чтобы эти послѣдніе содержались на собственный счетъ. Епископамъ предоставлялось право раздѣлять семинаристовъ на различныя отдѣленія и классы соотвѣтственно ихъ возрасту, научнымъ занятіямъ и успѣхамъ; требовалось, чтобы семинаристы носили духовное платье и были пострижены (тонсура). Что касается собственно обученія, то предписывалось изученіе литературы, пѣнія, церковныхъ правилъ, священнаго писанія, гомилетики, пастырскаго богословія и богословія нравственнаго; въ то же время соборъ обязывалъ учениковъ присутствовать каждый день за обѣдней, исповѣдываться ежемѣсячно и чаще пріобщаться Святыхъ Таинъ. Чтобы эти правила не пришли въ забвеніе, соборъ постановилъ, чтобы епископъ назначалъ двухъ пожилыхъ и опытныхъ священниковъ, на которыхъ возлагалась бы обязанность наблюдать за семинаристами и доносить главѣ епархіи о всѣхъ злоупотребленіяхъ и отступленіяхъ отъ устава.

Постановленія Тридентскаго собора относительно духовныхъ семинарій были въ точности осуществлены на западѣ. Каждая, даже самая маленькая епархія завела свою школу для воспитанія клириковъ. Исходя изъ того принципа, что дѣти, предназначенные къ священству должны вести жизнь противоположную мірской, западное католичество, особенно послѣ Тридентскаго собора, позаботилось о томъ, чтобы по возможности удалить молодыхъ семинаристовъ отъ общества, держа ихъ въ закрытыхъ заведеніяхъ, далеко отъ всякаго соприкосновенія съ общественною жизнью. Этому затворничеству молодого духовенства особенно способствовалъ Карлъ Борромей, архіепископъ Милана, († 1584 г.), составившій правила для семинарій. Но измѣнившіяся общественныя условія и новыя задачи, поставляемыя церкви современными движеніями, подняли вопросъ о реформѣ семинарій и въ особенности о воспитаніи духовенства. По словамъ одного французскаго писателя, „слѣдуетъ обсудить, должно-ли духовенство для своего образованія быть заключено въ насильственное и систематическое уединеніе монастырей и обителей или же оно должно согласно Евангелію, быть закваской, проникающей всю массу тѣста, и заквасывающей его“. При разрѣшеніи этого вопроса мы наталкиваемся на два противоположныя теченія: реакціонные элементы католической цер-

кви хотѣли бы, чтобы духовенство, призванное къ общественному служенію, подготавливалось къ своему призванію въ отдѣленіи отъ общества; другіе, заслуживающіе названіе новаторовъ, утверждаютъ наоборотъ, что пора вывести молодые умы духовенства изъ затхлой атмосферы, освободить отъ устарѣлыхъ методовъ преподаванія и привести въ соприкосновеніе съ современнымъ обществомъ, которое, порвавъ съ традиціями прошлаго, нуждается въ духовенствѣ болѣе освѣдомленномъ въ современныхъ потребностяхъ, болѣе способномъ содѣйствовать разрѣшенію серьезныхъ задачъ, его волнующихъ. Партія традиціоннаго воспитанія въ „семинаріяхъ закрытыхъ свѣтскому влиянію“ имѣетъ поддержку и одобреніе высшаго римско-католическаго авторитета—папскаго престола. Энциклика Льва XIII къ епископамъ Италіи (8 дек. 1902 г.) уничтожаетъ на этотъ счетъ всякое сомнѣніе. Левъ XIII, исходя изъ того положенія, что священство божественно въ своемъ основаніи, сверхъестественно по своей сущности, неизмѣнно по своему характеру и есть учрежденіе, которое не можетъ приспособляться къ непостояннымъ человѣческимъ мнѣніямъ и системамъ, внушаетъ епископамъ не забывать, что церковь всегда придерживалась своихъ собственныхъ методовъ воспитанія клириковъ, методовъ, рѣзко отличающихся отъ обычныхъ приѣмовъ свѣтской педагогики. „Это различіе, писалъ папа, должно сохраниться и въ наше время и всякое стремленіе сдѣлать общимъ и смѣшать духовное воспитаніе и жизнь со свѣтскими слѣдуетъ считать порицаемымъ не только вѣковыми христіанскими традиціями, но и самымъ апостольскимъ ученіемъ и постановленіями Іисуса Христа“.

Левъ XIII желалъ такимъ образомъ, чтобы въ семинаріяхъ ревниво оберегался и сохранялся свой собственный духъ относительно воспитанія какъ ума, такъ и сердца. „Не слѣдуетъ никогда упускать изъ виду, что семинаріи предназначены исключительно для воспитанія юношей, посвящающихъ себя служенію не мірскимъ задачамъ, какъ бы законны и достопочтенны онѣ ни были, но готовящихся къ высокому призванію служителей Христа и домостроителей божественныхъ тайнъ (1 Кор. IV, 1)“. Взглядъ папы Льва XIII раздѣляется тѣми, которые хотятъ остаться неподвижными въ общей эволюціи человѣчества. Если римская церковь, раз-

суждаютъ они, жила въ продолженіе столькихъ вѣковъ, примѣняя такіе методы воспитанія и пополненія рядовъ своего духовенства, то стало быть она можетъ еще продолжать жить съ тѣми же методами, несмотря на то, что XX вѣкъ мало похожъ на XVI. Не считаясь съ измѣнившимися обстоятельствами и злоупотребляя обѣтованіемъ Христа о безсиліи вратъ адовыхъ, они надѣются, что церковь можетъ выполнять свое назначеніе даже и въ томъ случаѣ, если духовенство совершенно не будетъ соответствовать требованіямъ общества, среди котораго оно живетъ. Въ другомъ посланіи отъ 18 сентября 1899 г., обращенномъ къ архіепископамъ епископамъ Бразиліи, Левъ XIII внушаетъ имъ ревниво оберегать воспитанниковъ семинарій отъ мірскихъ вліяній, отдѣляя ихъ отъ мірянъ и воспитывая ихъ, слѣдуя наиболѣе полезнымъ правиламъ св. Карла Борромея.

Среди сторонниковъ и защитниковъ замкнутого воспитанія молодыхъ кандидатовъ на священство, два сицилійскихъ каноника Фіоренца и Миллунци издали брошюру, содержащую десять вопросовъ о положеніи итальянскихъ семинарій при настоящихъ условіяхъ (Сіена, 1892). Въ этой брошюрѣ они утверждаютъ, что юноши, предназначенные къ духовному званію, не должны получать воспитанія въ смѣшанныхъ школахъ, потому что ихъ товарищи, готовящіеся быть свѣтскими дѣятелями, своими рѣчами, примѣрами и мірскими стремленіями будутъ имѣть на нихъ пагубное вліяніе. „Семинаріи должны быть предназначены исключительно для духовныхъ и воспитаніе въ нихъ должно быть строго-духовное“ (стр. 7).

Civiltà Cattolica, услужливый органъ Ватикана, издаваемый іезуитами, горячо защищала это мнѣніе и жестоко порицала тѣхъ, которые увѣряли, что въ послѣднее время для молодыхъ священниковъ было большимъ несчастіемъ то обстоятельство, что въ періодъ созрѣванія ихъ упорно отдаляли отъ сообщества свѣтской молодежи. По словамъ іезуитскаго органа эти жалобы „или внушены злымъ сектанскимъ духомъ, желающимъ свести съ истиннаго пути воспитаніе духовенства, или же проистекаютъ изъ полнѣйшаго невѣдѣнія того, что такое духовное воспитаніе и чѣмъ оно должно быть согласно съ неизмѣнными предписаніями вѣры!“ (*Dell' educazione del giovane clero*; 7 апрѣля, 1902.

стр. 161). Таково мнѣніе о воспитаніи духовенства, господствующее въ консервативныхъ и оффиціальныхъ кругахъ римско-католической церкви. Однако этотъ взглядъ вызываетъ сильную оппозицію со стороны людей, болѣе дальновидныхъ и лучше понимающихъ современныя задачи церкви.

Остановимся сначала на брошюрѣ, напечатанной въ ватиканской типографіи и составленной, какъ говорили, не безъ участія, или соизволенія самаго папы. Эта брошюра озаглавляется: „Пій X, его дѣйствія и намѣренія“. Ея авторъ, повидимому, не раздѣляетъ мнѣнія консерваторовъ о пользѣ старыхъ воспитательныхъ методовъ. Его разсужденія по этому поводу интересны и заслуживаютъ вниманія, такъ какъ обнаруживаютъ недостатки духовнаго образованія въ римско-католическихъ семинаріяхъ. „Семинаріи, говорится въ этомъ сочиненіи, требуютъ другого воспитательнаго направленія, немного отличнаго отъ того, какое онѣ имѣли до сихъ поръ и которое можно было бы назвать искусственностью, возведенной въ систему. Нравъ юношей слишкомъ угнетается, и прилагаются всѣ усилія, чтобы сдѣлать изъ нихъ автоматовъ. Характеры портятся, воспитываются ханжи и лицемеры. Слѣдовало бы сдѣлать все возможное, чтобы уничтожить эту язву, губящую живыхъ и нарушающую покой мертвыхъ. Характеры открытые, чистосердечные, смѣлые слишкомъ насилуются и нисколько не цѣнятся. Воспитанниковъ подвергаютъ механической дисциплинѣ, увѣчатъ ихъ мысль, превращаютъ ихъ умъ въ матеріальное орудіе, калѣчатъ натуры прямые, чтобы образовать изъ нихъ искусственно-послушныя. Между тѣмъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ вездѣ и всегда предпочитается человѣку безхарактерному. Жалкое состояніе, до котораго мы доведены, происходитъ главнымъ образомъ отъ недостатка въ людяхъ съ характеромъ, съ твердыми убѣжденіями и съ рѣшительными намѣреніями, въ людяхъ честно исполняющихъ свой долгъ. И поэтому слѣдуетъ подумать о томъ, какъ бы воспитать людей, способныхъ въ случаѣ нужды возвысить свой голосъ, высказать ясно, откровенно и опредѣленно то, что чувствуютъ, а не людей, умѣющихъ только льстить, хвалить все и всѣхъ, возжигать еиміамъ передъ великими и сильными и сливаться съ безличной толпой кадильщиковъ по призванію и по привычкѣ. Въ общемъ итальянское духовенство въ трудныя

минуты было только способно со сложенными руками и изливаться въ женственныхъ жалобахъ“ (стр. 16—17). Анонимный римскій прелатъ, авторъ брошюры *Questioni politico-religiose*, сожалѣетъ въ свою очередь, что молодое духовенство, — воспитываясь въ закрытыхъ семинаріяхъ, высыхаетъ въ нихъ подобно египетскимъ муміямъ. Не имѣя соприкосновенія съ жизнью, эти молодые люди не походятъ на живыхъ существъ, волнующихся вопросами своего времени и старающихся найти средства противъ современныхъ золъ (стр. 14).

На вредъ, производимый слишкомъ замкнутымъ, слишкомъ стѣснительнымъ воспитаніемъ римско-католическаго духовенства, не разъ указывали нѣкоторые смѣлые священники, платившіеся впрочемъ за свою открытую, независимую рѣчь на защиту правды навлеченіемъ на себя выговоровъ и церковныхъ наказаній. Такъ въ 1882 г. каноникъ Энрико Фани издалъ во Флоренціи небольшое сочиненіе, озаглавленное: *L'educazione del giovane clero nei seminari ed i nuovi tempi: Brevi considerazioni*“ („Воспитаніе молодого духовенства въ семинаріяхъ и нынѣшнее время: краткія размышленія“), въ которомъ онъ довольно рѣзко критиковалъ примѣняемый въ семинаріяхъ методъ замкнутости, нравственнаго и интеллектуальнаго гнета, заглушающаго порывы самыхъ горячихъ сердецъ и подтачивающаго духовныя силы самыхъ избранныхъ умовъ. „Внѣшнее воспитаніе духовенства въ семинаріяхъ, говоритъ смѣлый каноникъ, слишкомъ теоретично, слишкомъ мистично и слишкомъ формально. Оно не можетъ создать священниковъ, способныхъ руководить совѣстью людей, съ которыми имъ придется жить“ (стр. 6—7). Онъ совѣтуетъ поэтому дать духовному образованію другое направленіе, болѣе человѣчное, болѣе разумное, болѣе практичное, болѣе соотвѣтствующее призванію священника и направленію нашего времени. „Держать семинаристовъ въ продолженіи восьми—десяти лѣтъ въ отдаленіи отъ свѣта, запираетъ ихъ въ четырехъ стѣнахъ семинаріи, слѣдитъ за малѣйшими ихъ движеніями и, что хуже всего, оставлять ихъ въ невѣдѣніи относительно всего, что происходитъ за стѣнами семинаріи, это значитъ дѣлать ихъ намѣренно подозрительными, необщительными, застѣнчивыми, неопытными, холодными къ своей собственной семьѣ. Когда воспи-

тавшіеся такимъ образомъ молодые люди выходятъ наконецъ на свѣтъ Божій и попадаютъ въ міръ совершенно отличный отъ того, который имъ представлялся, они или чувствуютъ озлобленіе и непримиримость ко всему ихъ окружающему, если хотятъ остаться вѣрными тѣмъ правиламъ, которыя имъ внушены, или же, оступившись, попадаютъ въ какое-либо болото, если, разочарованные логикой и опытомъ, попробуютъ рѣшиться на самостоятельный шагъ впередъ“ (стр. 14). Затѣмъ, опредѣливъ призваніе священника, состоящее въ наставленіи и исправленіи, авторъ доказываетъ далѣе, что замкнутая жизнь въ семинаріи представляетъ препятствіе этому призванію. Дѣйствительно двоякая задача папства требуетъ достаточнаго знанія человѣческаго сердца и подробнаго ознакомленія съ нуждами отдѣльныхъ лицъ, ввѣряемыхъ руководству священника въ области совѣсти; оно требуетъ знанія болѣзней, которыми страдаютъ учрежденія и массы и которыя священникъ призванъ лечить. Но какимъ образомъ будущій священникъ можетъ пріобрѣсти это познаніе, эту опытность, если какъ разъ въ тѣ годы, когда умъ такъ свѣжъ и гибокъ, а сердце такъ впечатлительно, онъ живетъ въ полномъ отдаленіи отъ свѣта, дышетъ только затхлымъ воздухомъ аудиторіи или монастыря и не видитъ ни малѣйшаго признака той жизни, которая происходитъ вокругъ него, жизни, которая и въ немъ была бы такой сильной, интенсивной, если бы онъ могъ имѣть соприкосновеніе съ людскими дѣлами, совершающимися тутъ же за стѣнами его обители?.. Почему же не позволяютъ ему ближе сойтись съ обществомъ, ознакомиться съ его стремленіями и стать такимъ образомъ человѣкомъ, способнымъ посвятить себя сознательнѣе возрожденію своихъ братьевъ? Слѣдуетъ расширить кругъ духовнаго образованія; ослабить сдавливающую дисциплину, которая отдѣляетъ семинаристовъ отъ гражданскаго общества; замѣнить методъ замкнутости, стѣсняющій умъ и прекращающій въ молодежи развитіе лучшихъ способностей, системой свободного развитія умственной и нравственной жизни“ (стр. 17—18). Затѣмъ онъ присовокупляетъ, что совершенное затворничество семинаристовъ можетъ быть полезнымъ для нѣкоторыхъ индивидуумовъ, но безусловно вредно для всѣхъ въ общемъ. „Затворничество, на которое осужденъ семинаристъ,

можетъ его знакомить только съ одной стороною окружающаго его горизонта, а между тѣмъ именно скрытую сторону его онъ долженъ былъ бы знать прежде, чѣмъ сдѣлать шагъ, рѣшающій его участь“ (стр. 23).

Другой новѣйшій французскій писатель Поль Лапейръ также порицаетъ въ своемъ сочиненіи *Action du clergé dans la Réforme sociale* (Парижъ 1901) методическую замкнутость семинарій. „Напрасно, пишетъ онъ, берутъ дѣтей малаго возраста и удаляютъ ихъ, насколько это возможно, и въ продолженіе многихъ лѣтъ отъ вліянія свѣта. Священникъ, предназначенный служить церкви и быть главою прихода, не долженъ быть монахомъ, отшельникомъ. По нравамъ, по духу, по занятіямъ онъ безъ сомнѣнія не принадлежитъ міру, но онъ долженъ жить въ мірѣ и развивать въ немъ свою дѣятельность, чтобы преобразовать его, и поэтому онъ долженъ непрерывно быть въ соприкосновеніи съ опасностями и съ грязью. Нельзя быть врачомъ и не имѣть постоянного тѣснаго сношенія съ больными. Воспитывая же дѣтей съ малыхъ лѣтъ въ семинаріяхъ, какъ въ теплицѣ, ограждая ихъ отъ всякаго опаснаго соприкосновенія, такъ что они возрастаютъ въ полномъ невѣдѣніи зла и вдыхаютъ только воздухъ благочестія и церковнаго еиміама, чего вы этимъ достигаете? Вы порождаете существа нѣжныя, быть можетъ привлекательныя, но искусственныя. Малѣйшее измѣненіе среды подвергаетъ ихъ слабую нравственную натуру испытанію, которое они не въ состояніи перенести.

„И какъ велика будетъ въ нихъ перемѣна, когда они сдѣлаются священниками.... До тѣхъ поръ они ходили, опираясь на костыли, а теперь чувствуютъ вдругъ обязанность поддерживать слабыхъ; до тѣхъ поръ не знали свѣта, а теперь отъ ихъ мудрости и зрѣлости требуютъ совѣта, и призываютъ ихъ управлять тѣми, которые уже испытаны въ свѣтѣ: внезапно они оказываются лицомъ къ лицу съ опасностями, о которыхъ не имѣли никакого понятія, и сталкиваются съ дѣйствительностью, которая совершенно не похожа на рисовавшуюся въ ихъ воображеніи. Они оказываются въ положеніи, къ которому, при всей видимой тщательности ихъ воспитанія, они очень плохо подготовлены. Сознывая свою неопытность и слабость, они удаляются въ полное уединеніе, и съ тѣми, для которыхъ они должны быть руководителями,

поддержкой и провидѣніемъ, имѣютъ только поверхностныя отношенія, чрезъ посредство обрядовъ богослуженія, чрезъ посредство проповѣди, часто сводящейся къ банальному и труднопонятному монологу. Между такими священниками и ихъ паствою не можетъ быть никакого отношенія, никакой нравственной связи, потому что они говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ.... Священникъ не долженъ быть простымъ собраніемъ отрицательныхъ добродѣтелей. Нельзя воспитать священника, взявъ юношу въ расцвѣтъ силъ и заглушая въ немъ послѣдовательно всѣ нечистыя влеченія и всѣ беспорядочныя стремленія. Примѣняя этотъ методъ, мы получимъ существо безусловно нейтральное, совершенно безвредное, но не апостола, не созидателя, не источникъ жизни, не животворящее и плодотворное начало, въ которомъ нуждается общество (стр. 8—10)“.

Защитники семинарій, закрытыхъ для всякаго свѣтскаго вліянія, приводятъ въ пользу своего мнѣнія то соображеніе, что молодые кандидаты священства должны сохранять полную невинность, совершенную чистоту нравовъ и быть предохранены отъ всего, что можетъ повредить ихъ чистотѣ. Къ достиженію этой цѣли направлено все. Мальчикъ долженъ быть запертъ въ стѣнахъ семинаріи, выходить только съ провожатымъ, всѣ его дѣйствія должны быть подъ строгимъ наблюденіемъ, онъ не долженъ говорить ни съ кѣмъ, развѣ только въ присутствіи старшаго или своего наставника, читать только благочестивыя книги, не имѣть ни малѣйшаго понятія о направленіяхъ въ литературѣ, противъ которыхъ впослѣдствіи ему можетъ быть придется бороться. Онъ можетъ изучать древніе языки, забавляться химіей и физикой, заучивать священные гимны, но отъ него ревниво скрываютъ нравственную и общественную жизнь. Изъ будущаго священника, хотятъ сдѣлать ангела и забываютъ изрѣченіе Паскаля, приведенное очень кстати Лапейромъ: „qui veut faire l'ange fait la bête“. Священникъ, предназначенный быть ангеломъ въ виноградникѣ Христа, долженъ оставаться въ уединеніи священной обители, какъ будто бы воздухъ семинарій обладаетъ способностью превращать плоть и кровь въ нѣчто воздушное, неосязаемое, духовное, ускользающее отъ тиранніи чувственныхъ влеченій и какъ будто посвященіе, священные предметы, обряды и церемоніи по-

добно маннѣ небесной могутъ удовлетворять всякимъ индивидуальнымъ наклонностямъ. (Фабіани стр. 27). Замкнутое, тепличное воспитаніе клира скрываетъ ни мало нравственныхъ опасностей. Въ нравственномъ мірѣ мы наблюдаемъ приблизительно то-же, что и въ мірѣ физическомъ. Если взять нѣжное и слабое растеніе и воспитывать его въ тепличной атмосферѣ, давая ему по мѣркѣ воду, свѣтъ и тепло, то оно утратитъ силу сопротивленія враждебнымъ вліяніямъ; если въ жаркій лѣтній день вынести его на свѣжій воздухъ, поставить его подъ палящіе лучи солнца, то можно быть увѣреннымъ, что оно погибнетъ. Переходъ изъ стерилизованной атмосферы, освобожденной отъ присутствія заразныхъ зародышей, въ атмосферу обычную можетъ быть смертеленъ. То-же самое происходитъ и съ духовенствомъ по увѣренію противниковъ закрытыхъ семинарій и ихъ монастырскаго устройства... Вы удаляете отъ общества ребенка, который въ этомъ обществѣ будетъ исполнять труднѣйшую обязанность, требующую опытнаго знанія человѣческаго сердца. Какимъ образомъ этотъ ребенокъ пріобрѣтетъ это знаніе въ семинаріи?....

„Въ нашъ вѣкъ на священникѣ лежитъ необыкновенно трудная обязанность: онъ долженъ проповѣдывать Евангеліе не міру полуварварскому, отжившему и угнетенному, но гордящемуся своимъ знаніемъ въ такой степени, что готовъ это знаніе превратить въ свою религію. И этотъ міръ долженъ быть вновь завоеванъ священникомъ для Бога и такъ, какъ это завоеваніе истекаетъ изъ любви и имѣетъ своей конечной цѣлью любовь, превращающую врага въ брата во Христѣ, то священникъ долженъ итти къ нему, чтобы ознакомиться съ нимъ, изучить съ любовью и терпѣніемъ его мысли и стремленія, говорить его языкомъ, чтобы такимъ образомъ, проникнувъ въ его мысли, добратъ до его сердца. Завоеванія вѣры суть завоеванія сердець (стр. 46)“ ¹⁾. Но какимъ образомъ можетъ молодой священникъ сразу заговорить на языкѣ, понятномъ людямъ свѣта, если онъ самъ никогда его не слышалъ? какъ можетъ онъ управлять сердцами своихъ братьевъ, если его сердце не имѣло жизнен-

¹⁾ Брускелли—Su lo stato dei seminari delle minori diocesi d'Italia. Римъ. 1905 стр. 46.

наго опыта и, какъ спокойное озеро, не знаетъ еще тѣхъ бурь, которыя разыгрываются на океанѣ? Эти дѣти вырастаютъ въ невѣдѣніи зла, и остаются въ состояніи дѣтства, искусственно продолженнаго за стѣнами монастыря или закрытой ограды семинаріи. Но настанетъ день, когда знаніе зла станетъ для нихъ необходимымъ и обязательнымъ, когда имъ дадутъ въ руки книги, въ которыхъ классифицируются съ сухостью нравственной математики всѣ роды и виды преступленій и грѣховъ и которыя раскроютъ передъ несвѣдущими умами всю грязь и пошлость порока. Не будетъ ли это внезапное знакомство со зломъ въ области нравственности болѣе опасно, нежели ознакомленіе постепенное, могущее сдерживать постепенное пробужденіе страстей?

Но вопросъ представляетъ еще другую болѣе серьезную сторону. Задача священника въ современномъ обществѣ гораздо труднѣе, чѣмъ она была прежде. Средневѣковое общество было проникнуто наивной вѣрой. Взоры его сквозь человѣческое, казалось, видѣли божественное. Обрядность, празднества, церемоніи и литургія приводили его въ священный восторгъ и, преисполненное живой вѣры, оно созерцало только божественное дѣйствіе священника, не задумываясь надъ тѣмъ, обладаетъ ли онъ всѣми умственными и нравственными качествами, необходимыми для его сана. Другими словами, средневѣковое общество умѣло мысленно отдѣлять священника отъ человѣка и не смущалось ни невѣжествомъ, ни пороками носителей божественнаго авторитета. Но въ современномъ обществѣ одной высоты внѣшняго положенія, не соединенной съ внутренними достоинствами, совершенно недостаточно для того, чтобы создать авторитетъ и обезпечить вліяніе на умы. Между духовенствомъ, чуждымъ обществу по своему воспитанію, и обществомъ, непонятнымъ духовенству, образовался расколъ. Духовенство заперлось въ ризницу и дѣлается все болѣе равнодушнымъ къ интересамъ массы вѣрныхъ, т. е. къ ихъ насущному хлѣбу, ихъ свободѣ, ихъ достоинству, къ потребной имъ справедливости; народъ въ свою очередь теряетъ интересъ ко всему, что касается духовенства и религіи, потому что не видитъ въ ней практичной цѣли и примѣнимости въ условіяхъ земной жизни (Лапейръ стр. 15). Это разъединеніе, этотъ расколъ между духовенствомъ и народомъ, между религіоз-

нымъ чувствомъ и стремленіями общества, между святыней и семьей, всё увеличивается на западѣ и принимаетъ такіе гигантскіе размѣры, что можно пожалуй предвидѣть совершенное отпаденіе отъ христіанства цѣлыхъ націй, которыя римское католичество привыкло считать своимъ достояніемъ. Статистика пробуждаетъ въ душѣ печальное чувство. Такъ напр. перепись народонаселенія во Франціи 1872 г. показывала 81, 951 жителей безъ религіи или не объявившихъ религіи; черезъ десять лѣтъ списокъ безрелигіозныхъ, или не пожелавшихъ назвать свою религію представлялъ ужасающее число въ 7.648,900.

Такимъ образомъ священникъ по выходѣ изъ семинаріи попадаетъ въ общество или открыто враждебное христіанству или глубоко равнодушное. Безъ хорошей стратегіи невозможно однако побѣдить врага превосходящаго численностью, болѣе приспособленнаго къ войнѣ и хорошо вооруженнаго. Всякая профессія, всякая работа требуютъ долгихъ лѣтъ подготовительнаго обученія. Было бы странно начать читать, не изучивъ сперва азбуку и склады. Врачъ, который, не раскрывъ ни разу анатоміи или не работавшій никогда надъ трупомъ, принялся бы прописывать лекарства и снабжать для леченія болѣзней, скоро погубилъ бы всѣхъ своихъ пациентовъ. Священникъ же долженъ просвѣщать умы, ослѣпленныя невѣріемъ, и преобразовывать сердца, въ которыхъ земныя страсти заглушаютъ благородныя душевныя склонности. Развѣ можетъ молодой священникъ, запертый съ дѣтства въ семинаріи, знать современныя заблужденія, если въ продолженіе своего долгаго отшельничества онъ не читалъ другихъ книгъ, кромѣ аскетическихъ твореній или плохихъ курсовъ богословія, написанныхъ варварскимъ языкомъ и непонятныхъ болѣе нашимъ современникамъ?.. Онъ оказывается безоружнымъ въ присутствіи противниковъ, умѣющихъ заставить его замолчать искусной діалектикой, ссылками на выводы экспериментальныхъ наукъ, или же доводами исторической критики. Чтобы бороться съ противникомъ нужно знать его, изучать его движенія, не предпринимать нападенія со старымъ заржавленнымъ оружіемъ или же со старыми книгами, которыхъ никто болѣе не читаетъ (Брускелли стр. 50—51). Въ семинарскомъ затворничествѣ молодое духовенство находится въ неблагопріят-

ныхъ условіяхъ для изученія стратегіи своихъ противниковъ, которымъ къ тому же оно уступаетъ и въ интеллектуальномъ отношеніи. Своимъ безсиліемъ предъ лицомъ современныхъ общественныхъ движеній оно обязано опасному заблужденію, полагающему, что тотъ, кто предназначенъ выполнять труднѣйшую общественную задачу, долженъ быть воспитанъ внѣ общества. Воспитавшись внѣ общества, этотъ неопытный священникъ или не захочетъ понять неизбѣжныхъ требованій общественной жизни, или захочетъ примѣнить къ ней правила и уставы монастыря, будетъ осуждать театры, не имѣя понятія ни объ одной пьесѣ, которая въ нихъ представляется, запретить безъ разбора всѣ романы, какъ орудіе порчи и дѣвольскаго соблазна, не раскрывъ можетъ быть ни разу ни одного изъ нихъ, предасть анаемѣ всѣ развлечения, не имѣя о нихъ понятія. И общество, даже стремящееся къ неземной цѣли, но не отказывающееся при этомъ отъ земныхъ радостей, увидитъ въ этомъ новомъ священникѣ только строгаго педагога, намѣревающагося держать своихъ учениковъ подъ ферилой даже тогда, когда они выросли изъ подъ опеки.

Задача священника осложняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что религіозный вопросъ въ наши дни тѣсно связанъ съ вопросомъ экономическимъ. Низшіе классы, удрученные бѣдностью, лишеніями и трудомъ, не довольствуются уже болѣе возведеніемъ очей къ небу, гдѣ надежда сулитъ имъ радости будущей жизни. Проповѣдники социализма объявили крѣпостнымъ рабамъ земли и мастерскихъ, что ихъ рай долженъ осуществиться на землѣ, что богатства должны быть распределены болѣе равномерно и справедливо, что всѣмъ принадлежитъ право наслаждаться земными благами. Благоразумно-ли и справедливо-ли отвѣчать на эти жгучія потребности обрядами, священнымъ пѣснопѣніемъ, стереотипными поученіями, картинами небеснаго блаженства?.. Нѣтъ, необходимо, чтобы священникъ принялъ дѣятельное и даже преобладающее участіе въ экономическихъ реформахъ и попытался создать учрежденія, облегчающія бѣдность и показывающія на дѣлѣ, что христіанство, ставящее себѣ главною цѣлью достиженіе духовнаго, способно въ то же время лечить общественныя недуги и рѣшать вопросы, касающіеся матеріальнаго благосостоянія обездолен-

ной братіи. II развѣ дѣятельность священника въ этой области не будетъ скована его незнаніемъ современныхъ условий жизни общества, если на него онъ смотрѣлъ лишь чрезъ матовыя стекла своей семинаріи?

Вотъ доводы, приводимые противниками закрытыхъ семинарій, стремящимися къ тому, чтобы семинаріямъ дано было больше свѣта и свѣжаго воздуха, больше умственной и нравственной свободы. *Civiltà Cattolica* (7 апрѣля 1902. стр. 162) порицала разрѣшеніе, данное нѣмецкимъ семинаристамъ, посѣщать государственные университеты для изученія богословія. А между тѣмъ несомнѣнно, что римское католичество переживаетъ въ Германіи періодъ интеллектуальнаго, соціальнаго и политическаго процвѣтанія, чего мы не замѣчаемъ ни въ одной изъ современныхъ католическихъ странъ. Этотъ расцвѣтъ нѣмецкаго католичества, подчиняющаго себя въ научномъ отношеніи всѣ другія католическія націи, есть результатъ воспитанія духовенства, освобожденнаго изъ своего заточенія, живущаго среди общества и поэтому имѣющаго возможность изучать его нужды, заботиться объ ихъ удовлетвореніи и вмѣстѣ съ мірянами принимать дѣятельное участіе въ политической и общественной жизни своего отечества. То же самое происходитъ въ Бельгіи. Но если мы обратимся къ другимъ націямъ, напр. Испаніи, Италіи, то увидимъ, что тамъ духовенство воспитанное въ идеяхъ, которыя могли бы соотвѣтствовать развѣ только средневѣковой теократіи, враждебно относится ко всему современному, не имѣетъ точекъ соприкосновенія съ обществомъ, которое все болѣе отпадаетъ отъ христіанства, составляетъ касту, кругъ дѣятельности которой сокращается съ каждымъ днемъ и вліяніе которой на образованные и руководящіе классы равно нулю. Но всѣ эти соображенія не имѣютъ, повидимому, достаточнаго вѣса въ глазахъ Пія X. Въ настоящее время, наоборотъ, преобладаетъ тенденція уменьшить число молодыхъ представителей духовенства, поступающихъ изъ семинарій въ государственные университеты „почти всѣ атеистическіе и матеріалистическіе, или по меньшей мѣрѣ антикатолическіе и антипапистскіе“ по словамъ *Civiltà Cattolica*. Запретили также строжайшимъ образомъ посѣщать семинаристамъ курсы въ римскомъ университетѣ. Намъ кажется, что партія традиціонныхъ мето-

довъ восторжествуетъ, несмотря на тревогу, поднятую нѣкоторыми членами римско-католическаго духовенства, и несмотря на изреченіе Льва XIII, что „въ наши дни священникъ долженъ выйти изъ ризницы“. Семинаріи едва ли измѣнять свою фізіономію. По прежнему онѣ будутъ воспитывать духовенство быть можетъ дисциплированное, послушное, смиренное и, если мнѣ позволять такъ выразиться, духовенство лимфатическое, лишенное юношескаго огня и трепета, но онѣ не воспитаютъ духовенства, которое могло бы стать общественною силою, и возродить религію. Отдѣленное отъ общества духовенство станетъ все менѣ популярнымъ и по винѣ безличнаго и ненавидимаго обществомъ духовенства, церковь въ современномъ обществѣ сведется къ небольшой кучкѣ бѣдныхъ духомъ и квіетистовъ. Только въ единеніи съ обществомъ плодотворно развивается жизнь и возрастетъ сѣмя прогресса, а отдѣляясь отъ него жизненные силы даже наилучше организованныхъ ассоціацій изсякаютъ и самыя солидныя учрежденія теряютъ свои устои и пріобрѣтаютъ неподвижность или индифферентизмъ мертвaго тѣла.

С. Братковъ.

